

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 378:372.881.0

СИНЕРГИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В ОБУЧЕНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОМУ ОБЩЕНИЮ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

© Белоусова Ирина Михайловна

кандидат педагогических наук, доцент МИЭЛ

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»

Россия, 661025, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1

E-mail: belousova.u2013@yandex.ru

В статье рассмотрен синергетический подход к языку и культуре как сверхсложной саморазвивающейся системе, поскольку он находится в постоянном движении и саморазвитии и функционирует на основе многих параметров, являясь дискурсивной, культурологической, социокультурной системой. Синергетический анализ дихотомии языка и культуры позволяет получить новое знание о смыслообразовании, об организации коммуникативных процессов, а также о методике обучения русскому языку как иностранному. Основные выводы автора заключаются в том, что проблема формирования коммуникативной и межкультурной компетенции не должна сводиться к вопросам обучения иностранному языку, как это часто подразумевается в исследованиях. Данные компетенции предполагают наличие качеств личности, которые невозможно сформировать средствами одной учебной дисциплины. Все проблемы, затронутые в статье одинаково актуальны для коммуникации как на иностранном, так и на родном языке. Новизна статьи заключается в том, что поликультурное образование показано в ней в центре комплекса проблем межкультурной коммуникации: социальных, педагогических, социокультурных и социолингвистических.

Ключевые слова: культура, этноцентризм, самобытность, национальность, коммуникативная компетентность, синергичность, межкультурное общение, вторичная языковая личность, национальная культура.

Синергетика (от греч. «synergeia» — «содружество», «сотрудничество») — новое междисциплинарное научное направление второй половины XX в., в основе которого лежит самоорганизация сложных систем различной природы. Само понятие синергия имеет много значений. Мы остановимся подробно на двух из них:

1. Синергичность понимается как «формирование общего функционального пространства при совместном когерентном целенаправленном действии всех элементов системы» [7, с. 335].

2. Синергизм — комбинированное действие каких-либо компонентов, при которых суммарный эффект превышает действие каждого компонента в отдельности» [6, с. 642].

Возникнув в русле естественных наук (изначально синергетика была разработана применительно к физической химии профессором Свободного университета Брюсселя И. Р. Пригожиным), наука синергетика получила распространение в науках о человеке: психологии, лингводидактике, лингвистике, психолингвистике, когнитивной лингвистике. Совокупность этого комплекса знаний становится

функциональной благодаря синергетическому процессу — «содействию, совместному действию, согласованному кооперативному действию» (Г. Хакен), подчеркивая «совокупный коллективный эффект взаимодействия большого числа подсистем, приводящий к образованию устойчивых структур и самоорганизации в сложных системах» [14, с. 9].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что синергетика представляет некую универсальную парадигму, в рамках которой изучаются сложные системы, явления самоорганизации и взаимодействия. Системой можно назвать и культуру в целом, имея в виду общее определение — ее инвариант (фракталы). Инвариантом называют «определяющий момент системы, способный сохраняться при ее определенных преобразованиях» [13, с. 211].

По мнению Н. Ф. Алефиренко, синергетика, устанавливая «мостики между «творчеством» природы и креативностью человека» [2, с. 202], ведет поиск общих принципов, которые управляют поведением самоорганизующихся систем, причем, систем разноаспектных и динамических — биологической, психической, социальной, культурной и находится с каждой из них и со всеми вместе взятыми в постоянном взаимодействии. Доминантой культуры выступает творческая деятельность людей, для которых характерны высокая степень свободы, устойчивость и глубокие исторические корни, в то время как социальные характеристики более изменчивы.

Многие лингвисты рассматривают понятие «культура» в аспекте междисциплинарного подхода. «Родную» культуру мы понимаем только в том случае, когда сталкиваемся с культурой другой страны. По мнению А. Т. Хроленко, культурология должна рассматриваться как «наука о чужой культуре» [15, с. 41].

Русские традиции организации образа жизни и взаимодействия служат основой жизнедеятельности для всех, кто принадлежит к этому этносу, который сформировался позже, чем другие этносы европейского региона. К XVII веку русские осознали себя как народность, а на рубеже XVIII–XIX вв. сформировалась нация с литературным языком и собственной культурой. Любая другая культура — «чужое», к которому мы не всегда знаем, как надо относиться. Противопоставление «свои» — «чужие», как пишет Ю. С. Степанов, «в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, национального мироощущения» [10, с. 126]. Восприятие «своих» и «чужих» отражено в русских пословицах: *Своя рубашка ближе к телу. Свой своему поневоле друг (брат)*. Это обстоятельство позволяет в данном исследовании говорить о том, что чужая культура — абстракция, которая в языковом сознании носителей, например, русского языка всегда осознается как «неживое», «чужое».

Синергия в процессе обучения иностранным языкам проявляется с момента осознания человека себя как субъекта своей «живой» национальной культуры и проявления интереса к «неживой», то есть еще неосознанной и поэтому не познанной «чужой» культуре своего партнера. Когда эта абстракция в результате глубокого осознания становится частью интеллекта, можно говорить об актуализации синергетического процесса, который сподвигнул человека-созерцателя осознать и оценить значимость чужой культуры. Об этом моменте взаимодействия «живого и неживого» говорил еще Вильгельм фон Гумбольдт, когда описал специфику процесса вхождения инородного субъекта в субстанцию изучае-

мого языка через описание всех сфер этноса — религиозный, бытовой, культурный. «В языке нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент проявляет себя лишь как часть целого» [3, с. 314].

На этом основании следует сделать вывод о том, что культура и язык в рамках одного национального социума отличаются уникальностью самоорганизации на знаковом (семиотическом) уровне и характеризуются относительной универсальностью на структурном уровне организации языковых систем в разных культурах. Так, например, трехуровневость языковой системы (фонетика, лексика, грамматика) и ее организация на каждом из названных уровней принципиально универсальна во всех языках. При этом универсальность структурной организации языковой системы каждого языка предполагает уникальность фактического содержания каждого из этих уровней в разных языках. Грамматическая категория одушевленность/неодушевленность в разных языках организована уникально на фоне универсальности представлений разных народов: *kot* — одушевленный у русских (он и она), а *cat* — неодушевленный у англичан (*it*).

С позиции синергетики этот факт становится легко объяснимым. Когнитивные процессы восприятия и осознания, активизированные синергетическим процессом, без которого нет порядка в системности разных структур, приводят в соответствие с нормой представления, учащихся о фактах изучаемого языка.

Президент Ассоциации сложного мышления Э. Морен пишет о том, что сложное мышление, это — «не замена простоты сложностью, а осуществление неразрывного диалогического движения между простым и сложным» [8, с. 37–38]. Для ориентации и эффективного взаимодействия в сложном, неравномерно развивающемся и наполненном катаклизмами мире, Э. Морен, формулирует основные принципы сложного мышления: открытость систем, нелинейность, самоорганизация и подчеркивает насущную необходимость его реформы. Задача преподавателя состоит в том, чтобы раскрыть обучаемым природу языка как сверхсложную сетевую систему и облегчить понимание студентами языковой картины мира в процессе обучения, путем введения их в естественный динамический процесс развития языка. В системе «культура» неустойчивость возникает в принципиально открытых подсистемах, являющихся переменными величинами. Такой подсистемой является потребитель артефакта, особенно зависимый от времени и обстоятельства, а открытость системы «культура» является условием ее самоорганизации (рис. 1).

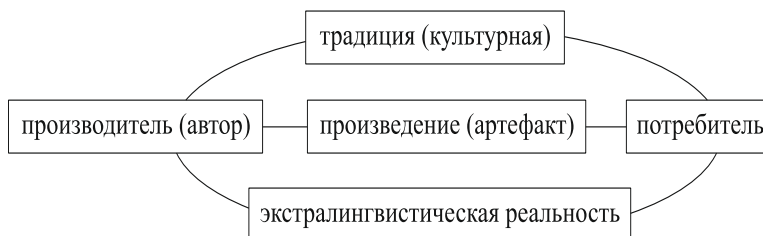

Рис. 1. Структура системы «культура»

В системе «культура» артефакт чрезвычайно важен, потому что становится ценностью — произведением культуры. «Социальная проблема ценностей в широких пределах может связываться с нелинейностью. Ценности — коды, исполь-

зуемые нами для того, чтобы удержать систему на некоторой линии развития, которая выработана историей. Система ценностей всегда противостоит дестабилизирующим эффектам *флуктуации*, которые порождаются самой социальной системой, что придает процессу в целом черты необратимости и непредсказуемости» [9, с. 36]. Отношение «производитель — артефакт» зафиксировано в артефакте и является константным в силу единичного акта творения. Если артефакт оказывается невостребованным потребителем, его производство прекращается. На рис. 1 показано, что в условиях межкультурного взаимодействия его участники, используя свой лингвокультурный опыт и свои национально-культурные традиции и привычки, одновременно пытаются учесть также и иной языковой код, иные обычаи и традиции, иные формы социального поведения, осознавая при этом факт чужеродности последних [4, с. 43]. Совокупность этого комплекса знаний становится функциональной благодаря синергетическому процессу — «содействию, совместному действию, согласованному кооперативному действию» [14], подчеркивая согласованность функционирования частей, отражающуюся в поведении системы как целого.

Участник межкультурного общения как медиатор культур должен быть способен к адекватному взаимодействию с представителями других культур, иметь стойкую мотивацию к изучению иностранного языка и новой «чужой» культуры в диалоге со своей родной культурой. Для формирования межкультурной компетенции медиатору культур необходимо овладеть знаниями культуры как совокупности результатов производственных, духовных и общественных достижений людей, осознавать культуру как цель, язык как средство достижения этой цели. При этом синергетика как универсальная научная парадигма, исследующая связь между «живой» и «неживой» природой, обуславливает «процесс перехода от хаоса к порядку и обратно» [14] в открытых нелинейных сложных системах различной природы, к которым относится системная организация языковой личности.

Определенный смысл, сформированный и «отправленный» преподавателем обучающемуся (языковой личности), включается в ассоциативно-вербальную сеть [5, с. 91]: реакция → стимул. Ассоциативно-вербальная сеть языковой личности обладает всеми свойствами гипертекста, в котором «отдельные записи микротекста подвержены максимальной компрессии, сжаты до предельных знаков, символов, многочисленных текстов» [5, с. 49–50]. На наш взгляд, бифуркация (понимание) в языковых системах возникает в тот момент, когда смысловое содержание в своем развитии достигает верхнего предела, за которым стоит смыслообразование на качественно новом уровне, в новом коммуникативном пространстве.

В ядро этнокультурного сознания (этнокультурного пространства) входят феномены, которыми обладают все члены лингвокультурного общества, а в периферию — те же представления, являющиеся достоянием отдельного человека или определенного круга людей. Именно в периферии этнокультурного пространства возможно порождение новых смыслов, которые приращиваются в процессе реализации «векторной валентности» [1], направленной от одной когнитивной единицы к другой. Векторы смысловой валентности формулируют инновационные микрополя современного русского менталитета: *рынок — хищный, грабительский; новый русский — ловкач, толстосум; приватизация — прихватизация* и т. д. Большинство из этих речевых образований обладают

яркой аксиологичностью и негативной оценочностью, так как связь языка и культуры порождает коннотацию слов. Коннотативная семантика, служащая основным средством выражения ментальности, объективирует такие когнитивные образования, как обыденно-понятийные, образные, а те, в свою очередь, порождаются наиболее яркими запоминающимися признаками, наиболее отчетливо показывая специфику языкового мышления народа и особенностями его культуры: *петух* в значении «самец курицы» имеет такой коннотативный признак, как «задиристость», например, *задиристый человек, задира, забияка*.

По определению В. Н. Телия, культурные коннотации — «интерпретации денотативного или образно мотивированных аспектов значения в категориях культуры» [12, с. 214]. Положительное значение воспринимается как норма и не так сильно запоминается, а эти речения интересны тем, что, несмотря на доступность для понимания, они представляют собой лексико-семантические лакуны. Лексико-семантические лакуны представляют «элемент национальной специфики некой культуры, зафиксированный в тексте и затрудняющий понимание соответствующего фрагмента текста инокультурным реципиентом» [11, с. 56–57]. Например, *Умирает каждый, но смерть одного весомее горы Тайшань, смерть другого легче лебяжьего пуха* (Сым Цян). В речении, взятом из трудов историографа Сым Цяня, смысл высказывания не будет воспринят адекватно, если не знать, что гора Тайшань (Великая гора) — одна из священных гор Китая. Лакуны возникают в процессе общения из-за недостаточного знания коммуникантами друг друга, из-за несовпадения тех «комплексов знаний», которыми владеют коммуниканты, а также в силу ряда таких причин социально-психологического характера, как традиции и обычаи, привычки и темперамент, эмоции, образный или рациональный тип восприятия мира.

Функционирование языковой системы как «правил сложения смыслов, которые дают не сумму смыслов, а новые смыслы» [16, с. 24] является результатом активного синергетического процесса, предопределяющим самоорганизацию всей системы дискурса.

Таким образом, понятие системы дискурса подразумевает систему смыслов дискурса, сферу смыслов (М. М. Бахтин), формируемую через их речевое выражение. Например, *Человек-дом* как место для жизни. Дом — образ тепла, защищенности, семьи, поскольку человек в окружающем мире искал укрытие от холода, то есть место для жизни. Ассоциации со словом *дом* у русского и китайского народов во многом совпадают: *семья, уют, очаг, тепло, родители, светлый, большой, дети*. Основная функция дома — защита, но при этом и ограничение. В китайской и русской культурах разные части дома приобретают разную символику. Например, *крыша, стена, порог, дверь* — в русском языке могут метонимически называть «весь дом» (*жить под одной крышей*). В китайском языке родной дом, семью символизирует дым от очагов (русский эквивалент — домашний очаг). С каждым из коммуникантов связано сопоставление, противопоставление нескольких смысловых позиций, что делает диалог наиболее личностно-ориентированной формой общения.

Следовательно, вторичная языковая личность есть категория, имеющая выход на такие качества личности, как раскрепощенность, творчество, самостоятельность. Данная способность складывается из овладения вербально-семантическим кодом изучаемого языка, то есть языковой картины мира, позволяющей понять

студенту новую для него реальность. Синергетический анализ языка и культуры позволяет получить новое знание о смыслообразовании, об организации коммуникативных процессов, а также о методике обучения русскому языку как иностранному. Преподаватели, создавая реальные ситуации межкультурного общения (презентации, переговоры, беседы, обсуждения споры, интервью, пресс-конференции), могут применять методику, в основе которой лежит модель обучения приемам осуществления иноязычного дискурса как сверхсложной, саморазвивающейся системы, основанной на синергетических принципах, в которых язык, среда, языковая личность являются открытой развивающейся системой.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокогнитивная синергетика: истоки, принципы, сущность // Наука о языке и изменяющейся парадигме знания: сб. науч. статей. Иркутск: БГУЭП, 2009. Вып. 2. С. 228–256.
2. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловые пространства языка: учеб. пособие. М.: Флинта, 2010. 229 с.
3. Гумбольдт А. фон. Язык и философия культуры: пер. с нем. М.: Прогресс, 1984. 465 с.
4. Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме. М.: Флинта; Наука, 2008. 224 с.
5. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1989. 264 с.
6. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо-Пресс, 2000. 1308 с.
7. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Рус. яз., 2003. 352 с.
8. Морен, Э. Образование в будущем: семь неотложных задач // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. М.: Прогресс-традиция, 2005. С. 37–38.
9. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1991. 431 с.
10. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. 824 с.
11. Стернин И. А., Быкова Г. В. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 56–57.
12. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 284 с.
13. Философский энциклопедический словарь / под ред. С. А. Кузнецова. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 815 с.
14. Хакен Г. Синергетика: пер. с англ. М., 1980. 406 с.
15. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии: учеб. пособие для филологов и культурологов. М.: Флинта; Наука, 2004. 184 с.
16. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 428 с.

THE SYNERGY OF LANGUAGE AND CULTURE IN TEACHING INTERCULTURAL COMMUNICATION TO CHINESE STUDENTS

Irina M. Belousova

candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, IEL Irkutsk State University
Russia, 661025, Irkutsk, Karl Marx str., 1
E-mail: belousova.u2013@yandex.ru

The article considers a synergetic approach to language and culture as a super complex self-developing system. This approach is in a state of flux, functions on the basis of many parameters being a discursive, culturological and sociocultural system. The synergetic

analysis of the dichotomy of language and culture enables a new knowledge acquisition about the meaning formation, the organization of communicative processes, as well as the methods of teaching Russian as a foreign language. The main author's conclusions are the following. The issue of forming communicative and cross-cultural competence is far beyond the scope of teaching foreign languages as it is often viewed in researches. These competences imply such personal qualities that cannot be formed only by means of one discipline. The issues raised in the article are equally topical both for communication in foreign and native languages. The novelty of the article is caused by the fact that the author views policultural education as the centre of a complex of cross-cultural issues: social, pedagogical, socio-cultural and socio-linguistic ones.

Keywords: culture; ethnocentrism; identity; nationality; communicative competence; synergy; intercultural communication; secondary linguistic personality; national culture.